

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЮЖНОРОССИЙСКОЙ ОКРАИНЫ в конце XIX – начале XX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Проанализировано процессы социально-экономического развития Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. В ходе анализа выявлено общие и особенные черты развития собственно Российской империи и одной из ее южных окраин – Северного Кавказа. Характерной чертой развития региона в исследуемое время было сочетание традиционализма и модернизационных перемен, вызванных влиянием российского капитализма.

Ключевые слова: Северный Кавказ, крестьянство, казачество, горцы, модернизация.

Проаналізовано процеси соціально-економічного розвитку Північного Кавказу наприкінці XIX – на початку XX ст. У ході аналізу виявлено загальні та особливі риси розвитку власне Російської імперії і однієї з її південних околиць – Північного Кавказу. Характерною рисою розвитку регіону в досліджуваний час було поєднання традиціоналізму та модернізаційних змін, викликаних впливом російського капіталізму.

Ключові слова: Північний Кавказ, селянство, козацтво, горяни, модернізація

The article analyses the processes of socio-economic development of the Northern Caucasus in the late 19th and early 20th centuries. The analysis identified General and specific features of the Russian Empire and one of its southern suburbs to the North Caucasus. A characteristic feature of the region's development was analyzed in combination of traditionalism and modernization changes caused by the influence of Russian capitalism. The economic profile of the region was quite diverse: from handicraft and primitive agriculture to farm farming and nascent industry. Despite the ethnic and social diversity of the population of the region, while maintaining the potential energy of the conflict, here for the long years of cohabitation of different ethnic groups and social groups developed the algorithm for the conservation of interaction and interpenetration of economic-cultural traditions. The local population is always knew the price of conflict, therefore retained the possibility of peace traditions of conflict resolution. All these factors have played a stabilizing role in the North Caucasus and create conditions of its active integration into the capitalist forms of management.

Keywords: North Caucasus, peasants, Cossacks, Highlanders, modernization.

Северный Кавказ всегда являлся сложным в социально-экономическом отношении регионом. Здесь компактно проживают представители более сорока этнических общностей, которые имеют давние исторические связи между собой и остальной Россией, сохраняя при этом собственную исключительность. Развитие северокавказского региона определялось включенностью его составляющих в общероссийское политическое, правовое, экономическое и социокультурное пространство. Поэтому политическая ситуация в регионе всегда зависела от внутренних процессов в самой России.

Северокавказское общество при всей его пестроте к началу XX века было более созревшим в понимании преимуществ социального компромисса в отличие от центральной России, где классовая борьба определяла форму общественных взаимоотношений. Этому содействовала долгая история взаимного сосуществования разных социальных и этнических образований. Здесь имелись предпосылки для проявления рационального мироощущения, а значит и формирования гражданского общества. Долгий опыт совместного проживания сформировал особый тип общественного сознания у народов Северного Кавказа.

Необходимость проживания рядом различных этносов, тейпов, классов, сословий диктовала необходимость поиска компромисса, хозяйственного взаимодействия. Она же приводила к формированию этнокультурного взаимодействия при наличии постоянно существующей потенциальной опасности конфликта. Сосуществование рядом с «другим» было провокационным компонентом для региона всегда. Относительно стабильное функционирование северокавказского сообщества во многом обеспечивалось также активной ролью правительственной политики. Однако кризисные времена российской государственной власти приводили к дестабилизации в регионе.

В начале XX века под влиянием процессов модернизации и системного кризиса в России, произошло изменение внутренней структуры общества южной аграрной окраины страны. Общинное и помещичье хозяйство не было здесь преобладающим, поэтому регион «вписывался» в меняющийся облик экономики страны достаточно органично. Обретение новых черт общественной дифференциации в период капитализации региона было связано с повышением роли иногороднего населения (крестьяне и другие категории населения, переселившиеся на юг после отмены крепостного права и не получившие земельных наделов), рабочего класса, интеллигенции, неславянских этнических групп, некоторой утратой позиций дворянством и казачеством. Постоянный приток людей на благодатные земли юга страны приводил к уменьшению удельного веса ранее преобладающего здесь казачества. Но оно продолжало играть ведущую роль в осуществлении российской политики в регионе. Традиционное значение политической роли, форм ведения хозяйства, культуры, быта казаков оставались определяющими в системе общественных отношений. К тому же, в условиях войн начала XX века и усиливающегося системного кризиса в стране выросла роль и значение военных структур, в том числе и казачества.

Кризис системы общинного землевладения в стране затронул и казачью общину. Естественный прирост казачьего населения и сохранение почти в неизменном количестве

общинной земли привели к резкому сокращению размеров паев, что влияло на доходы хозяйств и качество снаряжения и службы. Капитализация экономики, ослабление хозяйственных позиций казачества, заработка на стороне, отхожий промысел, постоянное отвлечение мужского населения от хозяйства усиливали процесс дифференциации в казачьей среде. Это наносило ущерб её монолитности, рождало оппозиционные политические настроения.

Дифференциация крестьянской, в том числе и казачьей среды в начале XX века была очевидной. Соотношение различных слоёв указанных сословий на Северном Кавказе было следующим: крестьян-бедняков – 39,3 %, середняков – 45,6 %, зажиточных 15,1 %. Среди казаков оно составляло соответственно – 24,6 %, 51,6 %, 23,8 %. Из 50 губерний европейской части России только у казаков Кубанской области и крестьян Ставропольской губернии был самый высокий процент зажиточных слоёв – до 47 % [1]. Процесс дифференциации казачества шел медленнее, чем у крестьян и иногороднего населения. Преобладание середняцкого элемента в казачьей среде в сравнении со среднероссийскими показателями говорит о большей стабильности их социально-классовых отношений даже в условиях капитализации.

Под влиянием реформ 60-70 гг. XIX в. развитие земледелия у казаков, в капиталистических экономиках и фермерских хозяйствах, скотоводства и других отраслей сельскохозяйственного производства быстро приобретало товарный характер. По темпам роста производства озимой пшеницы в период с 1906 по 1912 годы регион был впереди остальных в России. В 1912 году ее производство составляло 30,8 % от общероссийского сбора [2]. В Терской области до 1914 года свыше 50 % вывозимых товаров (хлеб, шерсть, лес, рыба, вино, нефтепродукты) приходилось на казачьи станицы [3].

Уровень зажиточных и средних хозяйств на Тереке был заметно ниже, чем в степных районах Кубанской области. Анализ военно-конских переписей позволяет сделать вывод об уровне дифференциации терского казачества. Количество средних хозяйств

составляло 36,7 %, зажиточных – 31,8 %, беднейших – 29,7 % [4]. Кроме того, среди терских казаков был распространен отхожий промысел, не известный в степных районах Кубани.

Процесс мобилизации земли от феодальных к капиталистическим слоям, независимо от сословной принадлежности, проходил интенсивно. Если по России сокращение дворянского землевладения за 28 лет (1877-1905 гг.) составило 27 %, то, к примеру, в Ставропольской губернии за 24 года (1881-1905 гг.) – 72,7 % [5]. Конечно, при этом необходимо учитывать и меньшее количество помещичьих хозяйств в Предкавказье в отличие от других районов России. Здесь определяющую роль в экономике сельского хозяйства играли землевладельцы новой формации.

К началу XX века Северный Кавказ стал крупным регионом товарного земледелия. Здесь сложился новый тип капиталистического зернового хозяйства с использованием наемного труда и сельскохозяйственной техники. Процесс разрушения общины коренных крестьян, поселившихся здесь до реформ 60-70 годов XIX века, также усилил середняцкую прослойку в ней. К 1917 году бедняки составляли 29,9 %, середняки – 53,8 %, зажиточные и кулаки – 16,3 % населения региона [6]. Преобладающее большинство их были собственниками буржуазного типа. Кроме того, середняцкие хозяйства региона отличались более высокой зажиточностью, чем в среднем по России.

Коренные крестьяне Северного Кавказа, большая часть которых проживала на Ставрополье, а также в Кубано-Черноморском районе, успешно были втянуты в процессы рыночной модернизации. Накануне Первой мировой войны многолошадными были более половины хозяйств Ставропольской губернии. Они арендовали немало земель в предпринимательских целях и нанимали сельских рабочих (как правило, со стороны). Обеспеченность инвентарем в таких хозяйствах была высокой. На Кубани их количество доходило до 65 %, и хотя это было несколько ниже, чем в казачьей общине, очевидно, что зажиточные хозяйства коренных крестьян успешно перестроились в ходе буржуазных реформ и были неплохо обеспечены [7].

Несмотря на это, наделов коренных крестьян не хватало для конкуренции с казачьим товарным хозяйством, даже при сложении паев, практиковавшемся в крупных семьях. Существовавшие диспропорции в земельном обеспечении казаков и крестьян служили источником постоянного недовольства последних и усиливали межсословную и межэтническую напряженность в регионе. Имущественное положение любой категории крестьян практически определялось системой сословного землевладения. Однако, капитализация, затронувшая аграрные отношения на Северном Кавказе и приведшая к глубокой дифференциации всех сословий, добавила к межсословным социальные и, в частности, классовые, противоречия, которые зачастую оказывались наиболее сильными.

У коренных крестьян и казачества преобладающим было середняцкое хозяйство, у иногородних – бедняцкое. Иногородние жили на войсковой территории. Они были домовладельцами, выплачивая высокую посаженую плату за ту землю, на которой стоял дом, либо квартирантами, либо временно – в качестве пришлых рабочих-батраков. Эта категория крестьянства принадлежала к беднейшим слоям северокавказского общества. Положение иногородних в начале XX века было весьма сложным. Если среди коренных ставропольских крестьян безземельными считались около 5 %, то среди хозяйств иногородних безземельными были 90 % [8]. На Кубани 33,3 % иногородних не имели земли и возможности её арендовать, жили за счет случайных заработков, батрачили в помещичьих экономиях и в хозяйствах кулаков [9].

На Кубани проживало 1,1 млн. человек иногородних, на Тереке – 326 тысяч, на Ставрополье 143 тысячи [10]. Иногородние оказывались вне привычных структурообразующих связей, вне привычной системы занятий, характерных для региона – несения военной службы и владение землей. Это усиливало противостояние в регионе. Единого решения земельного вопроса здесь быть не могло. Для иногородних оно состояло в ликвидации существующих форм землевладения, что для казачества означало

бы полную ликвидацию основ казачьей сословной организации. В этом крылась причина столь ревностного охранения казачеством войсковой земельной собственности от посягательств иногородних, для которых решение земельного вопроса могло произойти только за счет казачьих земель. К 1917 году активность иногородних с их требованиями пересмотра вопроса земельной собственности стала достаточно высокой. Имели место попытки самовольных распашек казачьей земли иногородними.

Многообразную социальную структуру Северного Кавказа дополняли «инородцы». Так называли ногайцев, калмыков и туркмен, которые вели преимущественно кочевой образ жизни. К концу XIX – началу XX вв. кочующее население Ставропольской губернии составляло 36 %. Душевые наделы «инородцев» были немалые. Так, в Ачикулакском приставстве у ногайцев и туркмен на мужскую душу в среднем приходилось от 26 до 80 десятин земли. У калмыков Большедербетовского улуса размеры земельных участков доходили до 100 десятин. Это объяснялось несением калмыками военной службы, в то время как туркмены и ногайцы платили денежный налог в казну взамен исполнения воинской обязанности [11]. Земли, занимаемые «инородцами», ничего не приносили в казну, кроме налога за воинскую службу и «перевозок» провианта, а также содержания пяти почтовых станций [12].

Кочевые народности Северного Кавказа постепенно оседали на земле, хотя преобладающим всегда оставалось скотоводство. В социальной структуре ногайцев, туркмен, калмыков превалировали беднейшие группы, незначительным было количество середняков, а номадов, владеющих основной массой скота, было и того меньше.

Несколько раз правительство предпринимало попытки внедрения оседлого образа жизни у иногородцев, изменения системы землепользования у ногайцев, калмыков и туркмен, но ожидаемых последствий они не имели. Земля составляла для иногородцев основу сохранения традиционных форм хозяйствования – скотоводства, а также экономическую защиту в условиях сложной системы аграрных отношений на Северном

Кавказе. Большая часть свободной земли сдавалась в аренду крестьянам. Поэтому аграрный вопрос был «камнем преткновения» в отношениях иногородцев с крестьянами, проживающими в прилегающих к «инородческим» уездах. В среднем, по всем четырем волостям – Калмыцкой, Летне-Туркменской, Зимне-Туркменской, Ногайской, относящимся к Медвеженскому, Благодарненскому, Святокрестовскому уездам, обеспечение землей составило 40-50 десятин на мужскую душу, в то время как землеобеспечение крестьян прилегающих уездов не превышало восьми десятин на душу [13]. Кризис аграрных отношений повлек за собой усиление межсословной, межэтнической и межклассовой вражды и был отражением системного кризиса в стране.

Своеобразно протекал процесс рыночной модернизации у горцев Кубани и, особенно, Терека. Здесь не было крупных капиталистических хозяйств, работающих на рынок, но последний всегда влиял на хозяйство и поведение горцев. Этому содействовали включенность в Российское экономическое пространство, связи с сородичами за рубежом, минимальные возможности заработка, а также динамичность горского населения. Несмотря на ярко выраженный аграрный консерватизм, дифференциация у горских народов становилась фактом и усиливала процессы противостояния в регионе. Реальная ситуация в горском ауле к началу 1917 года представляла собою следующую картину: около 20 % сельской буржуазии Осетии сосредоточило в своих руках более 50,5 % пахотных земель, 11,4 % хозяев были безземельными. В руках 8,6 % зажиточных хозяев в Чечне была сосредоточена не только значительная часть земельной собственности, но и 34 % тягловой силы [14]. В Дагестане 87 % крестьянских хозяйств либо не имели пахотной земли, либо имели её в количестве до 1 десятины на двор. В Балкарии 30 % хозяйств не имели пахотной земли [15]. В подобном положении находились все горские народы.

Соседство горцев с казачеством усиливало напряжение в решении споров о земле. Терское казачество имело по данным сельскохозяйственной переписи 1916 и

1917 гг. в среднем на двор 35 десятин земли, в том числе 22 десятины удобной, в то время как плоскостные чеченцы на одно хозяйство в Веденском округе имели 8,95 десятин и 9,8 десятин в Грозненском округе. При этом на пашни у горцев приходилось по четыре десятины на плоскости на одно хозяйство и до двух десятин в горной полосе. Распределение земель между селениями было крайне неравномерным. В нагорной полосе хлебопашество не могло развиваться в силу топографических условий: каких-либо сплошных пространств для запашки не имелось, пашни были разбросаны клочками по полянам, скатам и горным площадкам. У ингушей на душу населения приходилось 0,2 десятины, в то время как в Кизлярском округе у казачьего населения имелось по 81,2 десятины в среднем на один двор [16]. Терское казачье войско продолжало политику экономического покорения края путем скупки частновладельческих земель. Кроме того, если казачество, даже бедное, было под защитой общины, социальной замкнутости, корпоративных интересов, то горцы, как, впрочем, и иногородние, испытывали на себе давление слишком многих административных инстанций, что усиливало остроту классовых противоречий. Всеми народами Терека управляла казачья старшина. Горцы находились в полном политическом подчинении у казачьего сословия и так же, как и иногородние, обязаны были подчиняться распоряжениям станичных атаманов. Так, наказной атаман Терского казачьего войска был, вместе с тем, и начальником Терской области, и командующим войсками края. Так было узаконено неравенство казаков и горцев. Неравенство статусов не могло не сказаться на взаимодействии народов, на возникновении у них негативных стереотипов.

Кризис аграрных отношений повлек за собой усиление межсословной, межэтнической и межклассовой вражды. Она получала развитие не в ходе политической борьбы, а в стремлении субъектов к хозяйственному самоутверждению. В требованиях масс проявлялась определенная автономность «социального» аспекта от «политического».

В условиях модернизационных процессов промышленное развитие Северного Кавказа

не играло определяющей роли в экономической структуре аграрного региона. Но в конце XIX – начале XX вв. у южной окраины страны начал формироваться новый индустриальный облик, что создавало предпосылки для появления новых социальных структур. Пролетариат Северного Кавказа представлял собою чрезвычайно пестрый конгломерат с переходными типами от пролетарских к непролетарским элементам. Это позволяет несколько скептически отнестись к выводам о монолитном политическом единстве рабочего класса и его лидирующей роли в политической жизни региона к февралю 1917 года. К примеру, на Ставрополье за 1914-1916 годы было зафиксировано лишь два случая массовых выступлений рабочих, носивших экономический характер [17]. Оба конфликта окончились безрезультатно для рабочих. Помощник начальника Терского областного жандармского управления по городу Ставрополю констатировал в 1916г.: «Революционные партии... агитационной работы среди рабочих... не ведут» [18].

Неоднородным, специфическим был состав буржуазии на Северном Кавказе. Несмотря на наличие развивающейся промышленности, преобладающей была сельская буржуазия. Она составляла 86,6 % всего буржуазного состава населения региона [19]. Причем, удельный вес этой категории населения был выше общероссийского.

Характеристика социальной структуры населения Северного Кавказа была бы неполной без оценки места и роли интеллигенции региона. Она сформировалась на Кубани и Ставрополье как новая социально-профессиональная общность в конце XIX – начале XX вв. вследствие модернизационных процессов. С началом формирования нового индустриального района с развивающейся тяжелой промышленностью, железнодорожным строительством, банками, торговлей, средствами связи, сферой услуг, появилась необходимость в новых профессиях: инженеров, банковских служащих, торговцев и других. Быстрыми темпами росла численность работников умственного труда, занятых в образовании, здравоохранении, материальном производстве. Меньшим количеством были представлены

юристы, служащие кредитных учреждений, ученые и художественная интеллигенция.

Разговор об интеллигенции Северного Кавказа нельзя вести без учета роли национальной интеллигенции, зарождение которой связано с проникновением сюда русской культуры, школ на русском языке, делопроизводства, медицинского обслуживания и т.д. Однако было и другая интеллигенция, тяготеющая к исламской культуре Восточного Кавказа. Это были деятели горских судов, аульской администрации, священнослужители, учителя из местных народов. В Дагестане, к примеру, мусульманская грамотность составляла 22 % и Дагестан в мусульманском мире называли «Библиотечной державой» [20].

Таким образом, состав интеллигенции на Северном Кавказе был чрезвычайно пестрым и в этническом, и в социальном плане. Её численность в начале XX в. составляла в Кубанской области – 7 тысяч человек, в Ставропольской губернии – 3 тысячи человек, по Терской области данных не обнаружено [21]. Условия труда и быта значительной части интеллигенции не соответствовали ее роли в обществе. Отличия в социальном статусе, степени самоорганизации, возможности самореализации были значительными по сравнению с положением интеллигенции в центральных губерниях, где модернизация оказала большее влияние на рост количества интеллигенции и её роли в обществе.

Военное и предреволюционное время принесло новую волну маргинализации общества. Источниками формирования маргинальной среды стали действующая армия, дезертиры, беженцы, мигранты. Пограничное, структурно неопределенное состояние субъектов вследствие вынужденного выпадения из привычной социальной среды и неспособность обрести адекватное положение имели место в России и ранее, в ходе реформационного процесса второй половины XIX в., процессов урбанизации и модернизации. Первая мировая война, столь неуспешная для России, вырвала из привычной среды миллионы людей и содержательно не удовлетворяла их в их новых функциях. Это массовое явление отражало сложность обстановки, колебания

воюющих, усталость от войны. И хотя регион не был затронут непосредственно военными действиями, подвижность дезертирующей массы, особенно в 1917 году, привела к появлению последней в городах и населенных пунктах Северного Кавказа.

Однако маргинализации северокавказского общества противодействовали особенности его этносоциальной структуры. Традиции, нормы права казачества, горцев, инородцев делали эти структуры закрытыми для проникновения маргинальной психологии. Тем не менее, сложная система социальных отношений на Северном Кавказе в годы войн и революций вбирала в себя и маргинальный аспект, потенциально способный изменить конфигурацию общества.

Первая революция подтвердила отсутствие внутренних предпосылок для появления на Северном Кавказе радикальных политических организаций. Регион проявил себя достаточно законопослушно. Если и возникали некоторые беспорядки, то население реагировало на них крайне отрицательно. Так, жителями г. Ставрополя было направлено письмо городскому голове с призывом собрать экстренное заседание Думы для выработки «надлежащих мер, могущих гарантировать безопасность граждан» [22].

Интересы преобладающего большинства политически активных граждан региона были сосредоточены на эсеровской партии и легальной работе в Думе. Большевизм был привнесен извне высланными под надзор полиции из крупных российских городов членами РСДРП, но так и не получил здесь серьезной поддержки.

Первая мировая война, углубившая кризис российской власти и общества, усилила процессы поляризации по классовому признаку. А это вело к росту политической активности, возникновению оппозиционных настроений, структурированию политических целей различных общественных групп, усилению регионального политического процесса.

В центральных районах России социально-политическая поляризация общества происходила быстрее. Это было связано с более низким уровнем жизни, нежели на Северном Кавказе, а также разрывом связей

всех форм власти с народом, устойчивым противостоянием «верхов» и «низов», что вело от аномии (уклонению от социально-признанных функций) к конфликту. Такое положение рождало деструктивность партийно-политических отношений, на которых сказывался ещё и негативный тип российской политической культуры, фактически не знавшей компромиссов как способа решения конфликтов и противоречий. В этих условиях стремительность революционного процесса вела к опасности развала общества и всеобщей анархии. Для народов Северного Кавказа, хорошо знавших цену компромиссам, такое положение вещей становилось мощной провокацией.

Следовая реакция провинции, особенно такой как Северный Кавказ, на события в Центре, имела место во все времена. Она всегда являлась проверкой адекватности политики государственной власти. На Северном Кавказе дисбаланс социальных и политических сил действует с наибольшим проявлением социальной активности. Она генетически обусловлена тем составом населения, который формировался здесь на протяжении длительного времени, а так же уровнем экономического развития региона. Эта особенность повлияла на явное своеобразие протекания здесь общероссийских процессов. Если центральные районы России «раскачивались» революцией относительно быстро, то на Северном Кавказе с его более капитализированной системой хозяйствования

и вытекающим из этого иным уровнем общественного сознания, эти процессы шли медленнее. Однако с их развитием формы проявления гражданского конфликта в этой провинции оказались обостреннее. Частью дезинтеграционных процессов, охвативших Россию в годы системного кризиса, была актуализация на Северном Кавказе этнических и социальных конфликтов. Полиэтничность и поликонфессиональность в условиях системного кризиса начали оборачиваться расколом северокавказского общества. При этом в регионе имелись и собственные предпосылки, подталкивающие его к гражданскому противостоянию, важнейшим из которых был земельный вопрос. Его острота усиливалась по мере развития капитализации экономики региона и в связи с мощными миграционными потоками, направляющимися на юг. Всё это при наличии оружия у казаков и горцев, разрастании сепаратистских настроений, межэтнической и внутриэтнической розни, грозило вылиться в мощное военное противостояние. В условиях кризиса северокавказское общество переходит в состояние этнического и социального конфликта, корнем которого является «коллективное бессознательное», некогда сформированное у народов в условиях этнопатернализма. Потенциальная энергия этого конфликта столь велика, что действует намного дольше и разрушительнее, чем на собственно российской территории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов А. И. Некоторые вопросы общественно-экономического развития и социального состава Дона и Северного Кавказа накануне Октября // Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, РГУ, 1984. – С. 8.
2. Прегер Р. И. Производство главнейших хлебов в России за двадцатилетие (1888-1912). – П., 1915. – С. 14.
3. Терский календарь на 1910 год. – Владикавказ, 1910. – С. 476.
4. Трут В. П. Казачий излом. – Ростов-на-Дону, «Гефест», 1997. – С. 37.
5. Обзор Ставропольской губернии за 1905 год. – Ставрополь, 1905. – С. 6.
6. Цаголов Т. Край беспросветной нужды. Заметки о нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1912. – С. 254.
7. Козлов А. И. Указ. соч. С. 21.
8. Трехбратов Б. А., Шебзухова Т. А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России // Северный Кавказ: Геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции. Ставрополь, 11-14 сентября 2001г. – Москва-Ставрополь, 2001. – С. 46.
9. Край наш Ставрополье (Очерки истории края). – Ставрополь, 2000. – С. 213.
10. Карпов В. Ф. К вопросу о численности, концентрации и размещении рабочего класса на Дону и Северном Кавказе в 1917г. // Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, РГУ, 1984. – С. 35.
11. Терский сборник. – Вып. 5. – Владикавказ, 1903. – С. 105.

12. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК), ф. 102, оп. 1, д. 534, л. 7.
13. ГАСК, ф. 102, оп. 1, д. 812, л. 157.
14. Съезды народов Терека. 1918г. – Орджоникидзе, 1978. – Т. 2. – С. 216-237.
15. ГАСК, ф. Р-65, оп. 1, д. 10, л. 54.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 4, оп. 1, д. 61а, л. 5.
17. История народов Северного Кавказа. Конец XV111в. – 1917г. (отв. ред. ак. А.Л. Нарочицкий). – М. : Наука, 1988. – С. 546.
18. Северокавказский край. – 1914. – № 915, 917, 921.
19. ГАСК, ф. 1008, оп. 1, д. 316, л. 20.
20. ГАСК, ф. 1390, оп. 1, д. 6, л. 21.
21. ГАСК, ф. 96, оп. 2, д. 1707, л. 1.
22. ГАСК, ф. 1919, оп. 1, д. 6, л. 8.

Рецензенти: Багмет М. О., д.і.н., проф.;
Колісніченко А. І., д.і.н., проф.

© Суханова Н. І., 2014

Дата надходження статті до редколегії 11.01.2014 р.